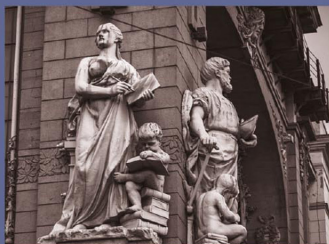

Екатерина Кубрякова

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ПЕТЕРБУРГА

Путешествие
в историю

Екатерина Вячеславовна Кубрякова

Зазеркалье Петербурга.

Путешествие в историю

Серия «Голоса из окон»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812214

ISBN 978-5-9524-5356-2

Аннотация

Город на Неве заново раскрывается для читателей, ведь стиль изложения информации, выбранный автором, уникален: сначала берется цитата из известного произведения или мемуаров, и Екатерина дополняет его своими измышлениями и информацией из надежных источников, приобщая таким образом своих читателей к истории родного города. Итак, книга первая... В ней мы заглянем в окна, в которые всматривался одержимый азартом герой «Пиковой дамы» Германн, в надежде проникнуть в таинственный дом и разведать карточный секрет сварливой старухи-графини. Узнаем, куда торопился домой Достоевский, чтобы, попросив у хозяйки свечу, запереться в своей комнате и продолжить творить. Прочтем, куда для знакомства с родителями молодой поэт Дмитрий Мережковский привел свою юную жену Зинаиду Гиппиус... А вот то самое здание, мимо которого, облизываясь и заглядывая в окна, ходили вымышленные герои

Валентина Пикуля – бедняки Курносовы, мечтающая о богатстве и адмиральской славе... Стены старых петербургских домов сохранили образы своих героев, реальных и вымышленных, а мы, спустя десятки и сотни лет, стоит лишь потянуть за зыбкую нить времени, сможем услышать их тихие и звонкие, резкие и мягкие, печальные и радостные голоса, доносящиеся из распахнутых окон.

Содержание

Обращение к читателю	6
Дом княгини Голицыной	8
Доходный дом Шиля	14
Жилой дом Литфонда	19
Доходный дом Струбинского	25
Дом Энгельгардта	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Кубрякова Зазеркалье Петербурга *Путешествие в историю*

Серия «Голоса из окон»

Оформление художника Я. А. Галеевой

© Кубрякова Е. В., 2020

© ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Обращение к читателю

Задумывались ли вы, идя привычным маршрутом от работы до дома, посещая банк и поликлинику, сидя на концерте в богато украшенном отреставрированном зале, что где-то здесь, в параллельной петербургской реальности, проходит другая жизнь – истории людей, которые в этих самых стенах любили, страдали, чувствовали? Смотрели в те же окна и видели тот же вид?

Ступеньки, по которым вы поднимаетесь, слышат стук стертых каблучков Ахматовой. За вашим столиком в кафе сидит перед дуэлью Пушкин, а в здание метро, куда вы забегаете, погруженные в свои мысли, вместе с вами влетает императрица, спешащая на бал. За тот же камень, о который вы споткнулись сейчас, спотыкается убегающий от своих убийц Распутин, а раскидистое дерево, под которым вы прячетесь от солнца, поливает Екатерина II, обдумывая письмо Вольтеру.

Эта книга о домах как свидетелях судеб, о зазеркалье, в котором в этот самый момент происходят тысячи историй на том месте, где сейчас стоите вы. Стены старых петербургских домов сохранили образы своих героев, реальных и вы-

мышленных...

Вот и мы, спустя десятки и сотни лет, стоит лишь потянуть за зыбкую нить времени, сможем услышать их тихие и звонкие, резкие и мягкие, печальные и радостные голоса, доносящиеся из распахнутых окон.

Дом княгини Голицыной
(1840 г., архитектор К. А. Тон;
Малая Морская ул., 10)

«... Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара...

Германн затрепетал... ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев»¹.

Именно в эти окна всматривался одержимый азартом Германн, герой пушкинской «Пиковой дамы», в надежде проникнуть в таинственный дом и узнать карточный секрет сварливой старухи-графини.

¹ Пушкин А.С. Пиковая дама. С. 219.

Малая Морская улица, 10

Сходство с реальной хозяйкой дома, 90-летней княгиней Натальей Голицыной, очевидное. После выхода повести все эти «стройные ножки» и «гремучие ботфорты» узнали в героине княгиню Голицыну, к которой сами именно так и приезжали на поклон. Совпали и манеры своенравной статс-дамы (княгиня была надменна, строга и очень умна), пугающая внешность (к старости у Голицыной появились усы и борода, за что ее прозвали «Princesse Moustache»), скупость (сыновья боялись попросить у матери законного наследства и получили причитающиеся блага незадолго до собственной смерти) и сюжет (в свете ходил анекдот, рассказанный Пуш-

кину внуком Голицыной, о том, что в парижской молодости, когда она бывала при дворе самой Марии Антуанетты и проигралась в фараон, авантюрист граф Сен-Жермен открыл ей три заветных карты, гарантирующих выигрыш). Но самое главное совпадение повести и реальности – это дом.

Адрес на углу Малой Морской и Гороховой был знаком всему Петербургу. Голицына, обласканная при дворе четырех императоров (от Екатерины II до Николая I), в то время была одной из самых влиятельных женщин страны. Каждый офицер, отличившийся на службе, входил в эти двери за одобрением, каждая дебютантка, выходящая на «рынок невест», – за благословением. Даже императорская семья боялась пропустить именины важной особы, всю жизнь служившей им и их предкам. Впрочем, Голицына только императора и удостоивала эмоционального приема – остальную бесконечную череду знати княгиня принимала в этом доме, не вставая и почти не двигаясь. Слепнущей хозяйке диктовали имя и чин вошедшего, который удостоивался либо холодного кивка, либо улыбки в зависимости от статуса. Имениных гостей скупая княгиня принимала без пышности – владелица 16 тысяч душ и огромного состояния вместо ужина и развлечений предлагала визитерам лишь лимонад.

«Германн стал ходить около опустевшего дома: он подошел к фонарю, взглянул на часы, – было двадцать минут двенадцатого... Германн ступил на графинино крыльцо и вошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн

взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампою, в старинных, запачканных креслах... Германн вошел в спальню. Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялые штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотою, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями... По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки... справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая, – в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу...»².

Неизвестно, бывал ли Пушкин в доме Голицыной. Однако в повести он точно описал ее спальню с потайной винтовой лестницей и часы Leroу, сохранившиеся, кстати, до сих пор.

«Германн... ощупал за обоями дверь и стал сходить по темной лестнице, волнуемый странными чувствованиями. По этой самой лестнице, думал он, может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный á l'oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться...»³.

Сердце Голицыной перестало биться в один год с сердцем

² Пушкин А.С. Пиковая дама. С. 224.

³ Там же. С. 230.

вдохновленного ее образом поэта. Пушкину было 37, его Пиковой даме – 93.

После смерти одной из самых влиятельных женщин России, 47 лет прожившей в этом доме, государство выкупило его для военного министра графа А. И. Чернышева, которого княгиня когда-то унизила, не ответив на поклон.

Александр Иванович Чернышев, значительно перестроивший здание, владел домом до самой революции. В советское время здесь размещались медицинские учреждения – еврейская лечебница, Красный Крест, госпиталь. Спальня Пиковой дамы стала спальней сестер милосердия. Сейчас здесь находится поликлиника МВД, и от интерьеров XIX века почти ничего не сохранилось. Только фасад еще бормочет голосом обезумевшего Германна: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!...»⁴.

Литература

- Архитекторы-строители Санкт-Петербурга... СПб., 1996.
Братья Булгаковы. Письма. Т. 2 (1821–1826 гг.). М., 2010.
Бройтман Л. И. Гороховая улица. СПб., 2010.
Весь Ленинград. 1926 г.
Весь Петербург. 2009 г.: телефонный справочник.
Ленинград: краткая адресно-справочная книга. Л., 1973.

⁴ Пушкин А.С. Пиковая дама. С. 237.

Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба.
1993.

Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995.

Пушкин А.С. Пиковая дама // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т.
VI. Л.: Наука, 1978.

Синдаловский Н.А. История Петербурга в преданиях и легендах. М.; СПб., 2016.

Толстой Ф.М. Воспоминания // Русская старина. 1871.
Вып. 1–6.

Доходный дом Шиля (1832 г., архитектор А. Х. Пель; Вознесенский пр., 8)

«Двадцать второго, или, лучше сказать, двадцать третьего апреля (1849 год.), я воротился домой часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий, симпатический голос: „Вставайте!“.

Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он; говорил господин, одетый в голубое, с подполковничьими эполетами.

– Что случилось? – спросил я, привстав с кровати.

– По повелению...

– Позвольте же мне... – начал было я.

– Ничего, ничего! одевайтесь... Мы подождем-с, – прибавил подполковник еще более симпатическим голосом.

Пока я одевался, они потребовали все книги и начали

рыться; не много нашли, но всё перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Пристав обнаружил при этом много предусмотрительности: он полез в печку и пошарил моим чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер, по его приглашению, стал на стул и полез на печь, но оборвался с карниза и громко упал на стул, а потом со стулом на пол. Тогда прозорливые господа убедились, что на печи ничего не было...

Вознесенский проспект, 8

Мы вышли. Нас провожали испуганная хозяйка и человек ее, Иван, хотя и очень испуганный, но глядевший

с какую-то тупую торжественностью, приличную событию, впрочем, торжественностью не праздничною. У подъезда стояла карета; в нее сели солдат, я, пристав и полковник...»⁵.

На третьем этаже этого дома, принадлежавшего купцу Якову Шилу, снял комнату в квартире одного из жильцов 26-летний Федор Достоевский. Молодой литератор, по своему обыкновению бродивший по улицам, разговаривая с самим собой, в первые месяцы жизни на новом месте входил в эти двери с улыбкой, повторяя слова Белинского: «Вам правда открыта... новый Гоголь... будете великим писателем». Достоевский заслужил такую похвалу мгновенно обративших на него внимание литературных кругов Петербурга за «Бедных людей».

Вдохновленный признанием самого Белинского, называвшего на своих вечерах начинающего писателя не иначе как новым гением, Достоевский торопился домой, чтобы здесь, попросив у хозяйки свечу, запереться в своей комнате и продолжить творить.

В этих стенах появились на свет «Белые ночи», «Чужая жена...», «Двойник» и другие небольшие произведения. Ожидаемого успеха они, однако, не принесли. Скорее наоборот. И вот уже Достоевский нервно плетется в этот дом, бурча под нос: «Рыцарь горестной фигуры! Достоевский, юный

⁵ Мемуарная запись Ф.М. Достоевского в альбоме О.А. Милюковой об его аресте // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 174–175.

пыщ, На носу литературы рдеешь ты, как новый прыщ...»⁶. Это Некрасов с Тургеневым решили спустить с небес на землю нового гения, да и сам Белинский признался, что поспешил с дифирамбами и новыми рассказами был совершенно недоволен.

В эту непростую пору разочарованный писатель с участвовавшими на нервной почве припадками эпилепсии приятное общение находил в кружке петрашевцев, критиковавшем государственное устройство. За участие в нем его и арестовали, забрав в ночи прямо из этого дома в Петропавловскую крепость, откуда после восьми месяцев заключения его повели на смертную казнь. Как потом оказалось, казнь была инсценировкой, и заключенные, уже попросившиеся с жизнью, связанные и с мешками на головах, вдруг услышали приказ о помиловании.

Дом Шиля – последнее петербургское пристанище молодого Достоевского. В следующий раз он окажется в городе лишь через 10 лет, пройдя через каторгу и ссылку. И в память о себе, юном вольнодумце, поселит в доме Шиля (только по другому адресу) своего знаменитого героя: «Я Родион Романович Раскольников, бывший студент, а живу в доме Шиля, здесь в переулке, отсюда недалеко, в квартире номер четырнадцать. У дворника спроси... меня знает»⁷.

⁶ [Некрасов Н.А., Тургенев И.С.]. <Послание Белинского к Достоевскому> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 332.

⁷ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996.

Гроссман Л.П. Достоевский. М., 1962.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л., 1973; Т. 18. Л., 1978.

Достоевский, Федор Михайлович // РБС. Т. VI: Дабелов-Дядьковский. СПб.; М., 1905.

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. Т. 1: 1821–1864 / [сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская]. СПб.: Акад. проект, 1999.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 1. М., 1978.

Жилой дом Литфонда (1955 г., архитектор М. И. Саркисов; Малая Посадская ул., 8)

«Живу, как в Афинах!.. Вы не видели меня утром? В сандалиях, в тоге, со свитком в руках, украшенный лавровым венком, я шествовал между колоннами и спорил с киниками из „Ленфильма“, – имя же им – легион»⁸.

Так об этих «греческих» колоннах шутил «добрый сказочник» Евгений Шварц, встретив у вечно не работающего лифта одного из своих приятелей-соседей – литературного критика Александра Дымшица с 4-го этажа.

Поделиться удачной метафорой здесь было с кем – квартиры в доме Литфонда выдавали только членам Союза писателей, поэтому в 1955 году, во время массового заселения в только что построенный дом, у парадного входа встретились, таща шкафы и пианино, давние коллеги и друзья – писатели, поэты, литературоведы. К новоселью присоединил-

⁸ [Слонимский М.Л. Воспоминания] // Мы знали Евгения Шварца Л.; М.: Искусство. 1966.

ся и соседний 4-й дом, заселенный работниками «Ленфильма», – кинематографистов и сценаристов, и без того плотно общавшихся, теперь и вовсе разделяла пара стен. 59-летний писатель Шварц теперь каждый день мог гулять с 50-летним режиссером Козинцевым по неизменному маршруту от этого дома до Кировского моста (ныне – Троицкий) и налево, до китайских львов, обсуждая новые пьесы писателя («Обыкновенное чудо»), общие фильмы («Дон Кихот») и жизнь в квартале творческой интеллигенции сумрачной Петроградской стороны.

Малая Посадская улица, 8

Шварц с женой быстро привыкли к своим «Афинам», выглядывая из этих самых окон второго этажа на площадку, с которой поднимались ввысь массивные колонны, вызывавшие бесчисленные фантазии писателя.

«6 августа 1955 г. ...

Пишу... это на новой квартире. На Малой Посадской.

Живем мы теперь во втором этаже дома № 8, кв. 3... Здесь вдвое просторнее. Три комнаты, так что у Катюши своя, у меня своя, а посередине столовая...

Второй день на новой квартире, на новой для меня... Петроградской стороне. Утром выходил, установил, что междугородный телефонный пункт возле... Пошел по скверу, который больше похож на парк со старыми деревьями, к Петропавловской крепости. Запах клевера. Воскресный народ. В доме еще непривычно.

Опять лежу... Спазм коронарных сосудов. Слишком много ходил в городе... Вечером дома ставили пиявки „на область сердца“... Намазали меня сахарным сиропом... Сестра вынула пинцетом из банки, на которой была наклейка „черешня“, пять черных гадигов и разложила у меня на груди, по сиропу»⁹.

Сосед Шварца сверху, 48-летний Л. Пантелеев, после смерти Сталина начавший готовиться к переизданию и воскрешению своей когда-то популярной «Республики ШКИД», и его жена, красавица-грузинка Элико, тайком молились в своей квартире, закрывая иконы от проходящих гостей и от вскоре родившейся в этих стенах дочери. Вероятно, также поступили они и в канун 1956 года, когда пригласили тяжело больного Шварца с женой подняться к ним, чтобы вчетвером тихо отметить праздник.

Сосед сбоку – также вернувший работу и репутацию после

⁹ Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней.

смерти Сталина 70-летний литературовед Борис Эйхенбаум, предвкушавший новоселье: «У нас будет чудная квартира во втором этаже, три комнаты, четыре стенных шкафа, кухня с окном и мусоропровод (общий со Шварцами, которые будут рядом)»¹⁰.

Как не было в 1950-х годах в этом доме случайных жильцов, так не было и случайных заведений. На первом этаже еще при постройке спроектировали ателье мод, обслуживающее только семьи членов Союза писателей и некоторых артистов (оно существует до сих пор и, хотя теперь работает для всех, сохраняет традиции – шьет сценические костюмы для «Ленфильма»).

Последним свидетелем литфондовой эпохи этого дома и современником его знаменитых жильцов стал более полувека проживший здесь Даниил Гранин, два года назад своей смертью поставивший точку в славе здания как обители «живых классиков».

Литература

Мемориальные доски Санкт-Петербурга: справочник / сост. В. Н. Тимофеев, Э. Н. Порецкина, Н. Н. Ефремова. СПб., 1999.

Мы знали Евгения Шварца: воспоминания. Л.; М.: Искус-

¹⁰ Письма Б.М. Эйхенбаума к Ю.А. Бережновой.

ство, 1966.

Письма Б. М. Эйхенбаума к Ю. А. Бережной (1949–1959 гг.) / публ. и примеч. Ю. А. Бережной // Звезда. 1997. № 10.

Путилова Е.О. Пантелеев Л. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5: Мурари – Припев. М., 1968.

Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней. М., 2008.

Шварц Евгений Львович // БСЭ. Т. 29.

Доходный дом Струбинского (1875 г., архитектор А. В. Иванов; Моховая ул., 17)

«Итак, мы пришли на Моховую в дом номер семнадцать и, поднявшись на второй этаж, позвонили у квартиры номер три. Старинная медная дощечка над дверью гласила: „Мария Георгиевна Фалина“. Открыла дверь небольшого роста женщина с обыкновенной наружностью, как показалось на первый взгляд. На ней было закрытое, строгое, тонкого сукна платье песочного цвета, плотно облегавшее идеальную фигурку. Небольшие, умные и немного лукавые зеленоватые глаза хорошо гармонировали с густыми светло-соломенными и искусно уложенными волосами. Увидев нас, она удивленно отступила.

– Позвольте, – недоумевающе сказала она, и голос ее звучал недовольно. – Я же сказала вам, что мое объявление было недоразумением, я уже давно раздумала сдавать комнату!

– Знаю, – со свойственным ему нахальством ответил Ника, – но я привел мою жену познакомиться с вами и уверен, что вы передумаете и сдадите нам комнату. Кстати, состоит-

ся это или нет, у меня к вам просьба. Пожалуйста, покажите ей ваш кабинет. Она так любит старину. Вы ей доставите большое удовольствие!

Моховая улица, 17

Слова Ники одинаково поразили нас обеих. Марию Геор-

гиевну, безусловно, поразило нахальство Ники, а я сторала от стыда за него...

Кабинет ее покойного мужа, который она почему-то вздумала сдавать, был великолепен. Мебель розового дерева поражала узором-мозаикой из палисандрового дерева, красного американского ореха и «птичьего глаза». Вслед за кабинетом Мария Георгиевна показала всю квартиру.

Я была восхищена богатством фарфоровой коллекции, картинами и редкими коврами. Она обладала некоторыми подлинниками самого Врубеля. Разговаривая о посторонних вещах, мы коснулись живописи и, сев на диван, забыли обо всем на свете...

– Вы понимаете, – с милой искренностью сказала Мария Георгиевна, – у меня сравнительно недавно умер муж. В этой квартире я осталась одна с моей старушкой-матерью. Было так тоскливо, так скучно. Я и подумала: а не сдать ли мне одну комнату? Будут рядом живые люди, и мне будет веселее! Взяла написала несколько объявлений да и расклеила. И что же вы думаете? Как начали ко мне приходиться люди, одни противнее других! Некоторых я просто испугалась!.. Тогда я соскоблила ножом все объявления, а одно-то и забыла. Вот по этому злосчастному, забытому объявлению и пришел ваш муж»¹¹.

Именно этот дом на Моховой вспоминает княжна Кит-

¹¹ Мещерская Е.А. Жизнь некрасивой женщины.

ти Мещерская, описывая свое несчастливое замужество в 21 год с летчиком Васильевым и их кратковременный переезд в Петроград в 1920-х.

Отцу Китти исполнилось 78 лет, когда она родилась, а по некоторым данным, он уже три года был мертв, поэтому в свете ее считали лжекняжной, хотя это и не важно, ведь к упомянутым событиям привычного «света» уже не было, а Китти потеряла все, как и остальные представители ее круга.

Летчик-испытатель Николай Васильев (Ника) – обычный необразованный мужик, сумевший воспользоваться революцией не только, чтобы занять место в новом привилегированном классе, но и практически насильно женить на себе представительницу старого. Громогласный, самоуверенный, наглый, бравший от жизни все и в опасной работе, и в изобильных кутежах, и в любви, за два года брака он три раза вынуждал Екатерину сбегать, постоянно возвращая ее назад то скандалами, то жалостью, то обещаниями зажить наконец-то пристойно, без пьянства, разгула и растрат. Чтобы скрыться от ненавистного мужа, однажды Мещерская инсценировала самоубийство, а в последний свой побег даже сменила фамилию, пойдя ради этого на фиктивный брак со старым другом. Обман, однако, не удался. И вот эта пара максимально непохожих друг на друга людей – бывшая княжна и лихой гуляка – снова вместе, у порога этого дома.

Комнату здесь молодой паре, конечно же, сдали. Мария Георгиевна, выслушав историю Китти о потере имущества,

аресте, тюрьме, жизни в дворницкой и на кухне собственной квартиры, унижениях за принадлежность к «бывшим» (дворянам), несчастном замужестве, гибели сына, родившегося после падения самолета с находившейся в кабине беременной Китти, и честное признание в том, что нерадивый муж ее лишился работы, пропил все деньги от продажи последних ценностей и, кроме неприятностей, пожилой даме ничего не принесет, пожалела девушку и, оплатив долг Васильева перед прошлой квартирной хозяйкой, согласилась приютить настрадавшегося «ребенка» и, что поделать, ее распущенного мужа.

«Комната, в которой мы поселились, была полна не только мелких безделушек и вещей, в ней стояли комод и шифоньерка, набитые доверху бельем. Когда нужно было, Мария Георгиевна входила к нам и брала свои вещи. Комнату мы, конечно, никогда не запирали, и, мне казалось, что я живу у самой близкой моей родственницы.

Несмотря на большую разницу в годах, мы очень подружились, полюбили друг друга. У меня от нее не было никаких тайн, я рассказала ей о себе все. Ника снова „вернулся в небо“ ...

У нас сразу появились деньги, долги были погашены. Ника меня задаривал: он приносил целые куски тонкого сукна, шерсти, шелка, и Мария Георгиевна считала удовольствием поскорее все это увидеть на мне. Она резала, кроила, примеряла, сметывала и шила, так что через каких-нибудь два

месяца я имела гардероб, которому позавидовала бы любая женщина.

Вместе с полной дольства жизнью вернулся и прежний Васильев. Пьяный, грубый, пропадавший сутками...

Все время мы проводили вместе с Марией Георгиевной. Нам не хватало дня для смеха и разговоров. Иногда до расвета мы шили, болтали, и Ника яростно стучал в стену, вызывая меня. Я прибежала, притворялась, что ложусь спать, но, едва он засыпал, вскакивала и убегала к Марии Георгиевне»¹².

Беседы с воспитанной хозяйкой, оказавшейся бывшей портнихой и владелицей модельного дома, а также само убранство квартиры и сохранившиеся коллекции на несколько месяцев вернули Китти в тот потерянный мир, где у нее было три дворца, несколько особняков и подлинники Боттичелли и который теперь навсегда остался в прошлом.

Литература

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга... СПб., 1996.

Мещерская Е.А. Жизнь некрасивой женщины. М., 1997.

Мещерская Е.А. Китти: Мемуарная проза княжны Мещерской / сост. и вступ. ст. Г. А. Нечаева. М., 2001.

Руммель В. В., Голубцов В.В. Родословный сборник рус-

¹² *Мещерская Е.А.* Жизнь некрасивой женщины.

ских дворянских фамилий: в 2 т. Т. 2. СПб., 1887.

Дом Энгельгардта
(1831 г., архитектор
П. П. Жако; Невский пр., 30 /
Наб. канала Грибоедова, 16)

«В пятницу маскарад у Энгельгардта. Императрица пожелала поехать туда инкогнито и при соблюдении строжайшей секретности, выбрав меня сопровождать ее... Когда мы смешались с толпой, стало еще хуже. Ее толкали локтями, неуважительно пихали, как всякую другую маску. Все это было в новинку Императрице и очень смешило ее... Меня потешало крайнее замешательство пристава Кокошкина. Бедняга очень скоро узнал Императрицу и трепетал при мысли, что с ней может что-нибудь случиться... Наконец, в три часа утра, я вернула ее во Дворец, целую и невредимую...»¹³.

Сюда, в дом на углу Невского проспекта и канала Грибоедова, в дом, где сейчас располагается вход в вестибюль станции метро «Невский проспект», светская дама Долли Фикельмон привела на маскарад императрицу Александру Фе-

¹³ Фикельмон Д. Дневник, 1829–1837.

доровну, супругу Николая I. Обоим было в то время около 30 лет, и они все еще обожали веселиться и танцевать до утра.

Невский проспект, 30 / Наб. канала Грибоедова, 16

А в доме Энгельгардта знали, что такое веселье! В 1830-х это был центр музыкальной жизни Петербурга, знаменитый своими творческими вечерами и балами-маскарадами.

Хозяев дома – дочь купца-миллионера Ольгу Кусовникову и ее мужа полковника Василия Энгельгардта, 45-летнего богача и мецената, получившего состояние не только с приданым жены, но и из наследства собственного дяди, которым

был ни много ни мало сам светлейший князь Григорий Потемкин, – знал весь Петербург. Василий был остер на язык, весел, щедр и расточителен, что притягивало в его дом на Невском проспекте все тогдашнее светское общество. В карты с азартным Василием приезжал сюда играть и старый его друг, поэт Александр Пушкин, давным-давно, еще во времена участия обоих в обществе дворянской молодежи «Зеленая лампа», посвятивший Энгельгардту строки:

Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!¹⁴.

Литераторы, среди которых бывали, помимо Пушкина, Жуковский и Вяземский, охотно посещали вечера Энгельгардта. Именно в этом доме в 1837 году 18-летний Иван Тургенев увидел своего «полубога»: «Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз – за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардт. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я

¹⁴ Пушкин А.С. N. N. (В.В. Энгельгардту) // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 314.

уоставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечом – вообще он казался не в духе – и отошел в сторону. Несколько дней спустя я видел его лежавшим в гробу...»¹⁵.

Главным магнитом, привлекавшим публику к Энгельгардтам, были их знаменитые на весь город маскарады. Во времена, когда танцы на балах строго регламентировались, гости соблюдали правила этикета, а общение ограничивалось только одобряемыми внутри своего класса собеседниками, публичные маскарады в доме на Невском представлялись глотком свежего воздуха и способом безнаказанно нарушить правила «света». Билет на маскарад мог купить любой желающий – это смешение классов освежало свободную атмосферу анонимной распущенности. В костюмах и масках по залам этого дома бродили неузнанными графини и куртизанки, генералы и повесы, артисты и члены императорской семьи.

Молодая графиня Дарья (Долли) Фикельмон, одна из ключевых фигур в светской жизни Петербурга 1830-х годов, не раз приходила на бал, чтобы сопровождать императрицу, «поинтриговать» или разыграть своего мужа, австрийского дипломата, о чем остались записи в ее дневнике:

«[13 февраля 1830 г.] С Матап, Катрин и Аннет Толстой отправились маскированными к Энгельгардту в маскарад.

¹⁵ *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 13.

Едва я начала с успехом интриговать, как, к моему огорчению, сидевшая в ложе Императрица пожелала меня видеть. Бросились искать меня по всей зале. Император первым опознал меня и под руку повел через залу к Императрице. Заинтриговать кого-нибудь после этого уже было невозможно. Маскарады теперь в большой моде оттого, что Император и Великий князь посещают их, посему и светские дамы решаются ездить туда в масках»;

«[15 февраля 1830 г.] Снова поехала в маске к Энгельгардту, и на сей раз я чудесно развлекалась. Флиртовала с Императором и Великим Князем, оставаясь неузнанной. Фикельмон тоже снизошел до флирта со мной, не подозревая, что любезничает со своей женой»¹⁶.

Михаил Лермонтов, учившийся в Школе гвардейских подпрапорщиков вместе с сыном Энгельгардта Василием и бывавший здесь, написал свою пьесу «Маскарад», вдохновившись одним из таких балов, где он смог анонимно, скрываемый маской, познакомиться с петербургским обществом тех лет. Сюжет драмы разворачивается в этих самых стенах.

«Арбенин

Рассеяться б и вам и мне не худо.

Ведь нынче праздники и, верно, маскарад

У Энгельгардта...

¹⁶ Фикельмон Д. Дневник, 1829–1837.

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин

(в сторону)

В толпе я отдохну»¹⁷.

Красивый и пылкий гвардеец, князь Звездич, приехав к Энгельгардту с угрюмым, разбогатевшим на карточной игре дворянином Евгением Арбениным, флиртует со страстной маской и получает от нее в подарок сувенир, символ их амурного приключения, – найденный на полу, кем-то потерянный золотой браслет, которым хвастается перед Арбениным. Дома ревнивый игрок, нервно ожидающий свою как всегда поздно возвращающуюся с танцев молодую жену Нину, замечает, что тот злополучный браслет принадлежал ей (на ее руке остался такой же, парный). Драма заканчивается смертью от руки своего мужа ни в чем не повинной Нины и сумасшествием Арбенина – трагедией, предсказанной главному герою таинственным незнакомцем в этих самых стенах в

¹⁷ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Соч. Т. 2. С. 138.

ночь маскарада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.